М.Г. Анохин,
доктор политических наук, профессор

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В конце 2005 г. по традиции появилось немало аналитических статей и иных материалов, подводящих итоги в различных сферах политической, общественной жизни страны и общества. В них присутствуют достаточно критичные оценки состояния и прогнозы будущих изменений политической, партийной системы России.

Как отмечают большинство изданий и авторов, партстроительство теперь практически полностью вписано в систему «управляемой демократии». Чтобы сегодня стать действующим публичным игроком на политическом поле, партия должна заручиться поддержкой Кремля. В ином случае ее возможности будут существенно ограничены, а юридические права – дезавуированы. Будущее политических акторов сегодня полностью находится в руках властных структур (примеры «Родины», «Партии пенсионеров», НБП Лимонова и т. п.). Ссылки на то, что те или другие «наказанные» партии использовали некие недопустимые формы работы, не очень убедительны, поскольку некоторые игроки политической сцены тоже действуют не всегда в правом поле. Так, без порицания остались некоторые эксцессы, инспирированные молодежными группировками, состоящими при «партии власти», при том, что аналогичные действия оппозиционных групп получали, как минимум, строгое «общественное» осуждение.

Вторым, вытекающим из первого, следствием «управляемой демократии» стало ограничение «избыточной» многопартийности. Деятельность в этом направлении не может оцениваться однозначно – положительно или отрицательно. Это же относится и к известному обновлению выборного законодательства, имеющему, наряду с плюсами, и заметные минусы. Но, так или иначе, в результате реально просматриваются контуры будущей, скорее всего не двухпартийной (нельзя упускать власть из рук), но полуторапартийной системы. В роли «вечной» оппозиции многие аналитики видят КПРФ, самим «фактом своего существования не дающую возможности сформироваться консолидированному левому флангу». В публикациях присутствует распространенное мнение, что все остальные партии в законодательные органы будут достаточно ограниченно допускаться для

создания видимости представительности и выполнять декоративную роль[1].

Еще одно подтверждение – уже произошедшая ликвидация и самоликвидация ряда партийных структур (в 2005 г. таковых было 8). Как сообщали «Ведомости», три политические структуры – ВКПБ, Консервативная партия России и партия «За Русь святую» – были ликвидированы в принудительном порядке, другие предпочли преобразоваться в общественные объединения, «для того, чтобы влиться в более жизнеспособные структуры»[2].

В более жизнеспособные или все же в более управляемые, более формальные – покажет время. Например, с этой целью самораспустилась достаточно популярная в свое время Партия самоуправления трудящихся С. Федорова. Ее последний лидер – сенатор Л. Чахмахчян – предложил соратникам вступать в Российскую партию жизни, ту самую, которая, мягко говоря, выступила весьма неуспешно на декабрьских (2005 г.) выборах в Московскую городскую думу.

Важнейшая тенденция, непосредственно связанная с предыдущими, – форсированная «партизация власти». Она стала закономерным и ожидаемым результатом монополизации политического пространства людьми и группировками, не имеющими единой идеологии, но получающими дивиденды от своей политической лояльности. Утверждения лидеров и функционеров партии о том, что они полностью поддерживают и будут всеми силами реализовывать курс, который проводит команда действующего президента страны, вызывают понятное недоверие: ни большинству партийцев, ни подавляющей части общества не известно, какой же в действительности курс и стратегические намерения у действующей власти и насколько они соответствует тактическим и стратегическим интересам страны (а не только «мирового сообщества»).

Третий аспект – активизация молодежных движений и группировок, для которых в наибольшей степени характерна девиантность поведения, что является прямым следствием общей государственной политики последних 15 лет и в особенности отсутствия обоснованной и вразумительной молодежной политики. При этом политическая активизация молодежи имеет почти исключительно «уличный», но, как правило, регулируемый «извне» характер.

Четвертый аспект: вытеснение из публичного партийного пространства значительной части политической оппозиции стимулирует маргинализацию некоторых еще недавно «системных» структур и

[1] См. например: *Гусева Д.* Избирательный гуманизм // Время новостей. 2005. 26 дек.

[2] См.: *Корня А., Гликин М., Гончарова О.* Партия самороспуска // Ведомости. 2005. 27 дек.

усиливает движение в этом направлении структур, изначально «несистемных».

Оппозиционные политические партии и группировки уходят в Интернет-пространство, где на сегодняшний день и доминируют. В Рунете достаточно много ресурсов, которые мы вправе характеризовать как антисистемные. Это в равной степени относится как к либералам, так и к националистам в их разных ипостасях. Интернет-ресурс КПРФ, до сих пор считавшейся наиболее значительной оппозиционной силой, на этом фоне выглядит весьма бледно.

Кроме того, возникновение «сетевых» партийных структур ряд исследователей склонен объяснять тем, что активная часть общества все более осознает: политические институты, элементы и образования гражданского общества, которые власть создает по собственной инициативе, представляют собой (по крайней мере, пока) «серию достаточно имитационных органов», строительство которых «означает обеспокоенность власти тем, что может произойти в обществе»[1].

Однако, полагает Л. Шевцова, чем активнее власть пытается создавать виртуальное гражданское общество, тем вероятнее выход части реального общества за пределы легального поля. Причем условием стабильности общества и государства является структурированная и включенная в систему оппозиция. И напротив, оппозиция, вытесненная в гетто, всегда непредсказуема и антисистемна. Национал-большевики – первый звонок, возвестивший начало эпохи несистемной политики, которая наступает, если общество недовольно системной политикой. И дело не только в угрозе очаговой уличной стихии, а в новых механизмах формирования этой стихии, которые демонстрируют такие разные страны, как Сербия, Украина, Франция, Бельгия и др. Речь идет о возможности внезапного возгорания протеста, организованного при помощи новых технических средств, в первую очередь SMS-сообщений и Интернета. Для того чтобы вывести на улицу несколько тысяч не знакомых друг с другом людей, теперь не нужно ни партий, ни телевидения, ни лидера. Нужно лишь послать призыв во всемирную паутину. И как же будет действовать созданная Кремлем тяжеловесная машина, – спрашивает Л.Шевцова, – которая по замыслу должна предотвращать организованный протест, справляться с неструктурированной стихией?[2]

Таким образом, в сфере партстроительства происходят те же процессы, что и в сфере строительства гражданского общества. И там и там – два направления, почти не пересекающихся.

---

[1] См.: *Шевцова Л.* Россия – год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 2005. 16 дек.

[2] См. там же.

Власть создает «под себя» массовую партию, одновременно демонтируя реальную многопартийность. Эти действия ведут к возникновению (реорганизации) структур, члены которых не хотят или не могут ассоциировать себя с партией власти и ее союзниками. Как результат – нарастание внутреннего напряжения в политическом поле, возникновение, если можно так выразиться, второй – параллельной многопартийной Интернет-системы. Если ситуация не изменится, отношения этих систем вероятностно могут приобрести достаточно противоречивый характер.

Правда, высказывается мнение, что вытесненные за границу поля идеи и их сторонники сами не образуют сколько-нибудь связанных структур. За этим следят не менее строго, чем за чистотой самого поля. Более того: политменеджеры знают, что лучше допустить в поле легальной политики кого-то «из-за границы тьмы», чем допустить, чтобы за этой границей образовалась новая связанная совокупность.

Как полагает редактор газеты «Спецназ России» К. Крылов, в России де-факто существуют два разных политических поля. Одно – остатки партийной системы образца 1990-х, находящееся в сложных отношениях с властями и СМИ и центрированное вокруг либералов, которые не представляют в нем большинства, но являются держателями дискурса и источником идей. Второе поле сложилось из остатков разгромленной «патриотической оппозиции» 1990-х, левопатриотизма 2000-х и традиционно маргинальных правых. Центрировано оно вокруг русских националистов – также не ставших большинством, но генерирующих идеи и являющихся той осью, вокруг которой во многом вращается все остальное. Обе стороны воспринимают друг друга как «незаконные образования» и считают друг друга «просто врагами». Ситуация перешла на уровень «поле против поля», то есть либералы против русских националистов. Внутреннее же строение полей интересно только тем, кто находится внутри них[1].

Здесь автор прав лишь отчасти. Противостояние полей между собой бесспорно. Но столь же существенно, что и либералы, и националисты сегодня объединяются в противостоянии «полю» официальной политики. И те, и другие считают, что нынешняя политика неэффективна и даже гибельна, более того, их аргументация по многим позициям удивительно и тревожно тождественна, несмотря на противоположность исходных позиций.

Если, как следует из планов «Единой России», в скором времени произойдет «окончательное слияние власти и этой партии – после реализации идеи правительства партийного большинства, а наблю-

[1] См.: «Спуск Альбац на землю» // АПН.ру, 2005. 20 дек.

даемый процесс экспансии государства в экономику будет продолжаться, то в ближайшем будущем, как отмечают исследователи, мы получим ярко выраженную систему госпарткапитализма. Но – и это нонсенс! – у общества нет никакой гарантии, нет даже надежды на то, что эта система будет служить именно государственным интересам, интересам общества»[1].

Примечательны суждения директора ИНИОН РАН Ю. Пивоварова о том, каким целям служит нынешняя «Единая Россия». Он, в частности, пишет: «Нынешний режим, в отличие от коммунистического, уже не может и не хочет бороться с конфликтами как таковыми. Он вынужден существовать в условиях острых общественных противоречий. И потому обязан их минимизировать. Партия власти наряду с другими президентскими новациями (так называемое укрепление властной вертикали, ослабление реальных полномочий субъектов Федерации, подготовка в том же духе административной реформы и т. д.) есть создание русской "плазмы", в которой конфликты будут протекать, но не разрушать общество. Только если на Западе эта плазма – социальная, то здесь – властная».

Итак, «Единая Россия» есть и будет формой организации служилых людей в новое управляющее сословие. Иными словами, «властная плазма» предполагает создание обширного среднего «властного слоя», да еще пронизанного коррупционными отношениями. При такой постановке вопроса ясно, почему на Западе так боятся «возрождения» подобной России. Общество, в котором бюрократия и коррупция признаются нормой, системной характеристикой режима – опасное общество[2]. В этом трудно возразить члену-корреспонденту РАН.

Возникает вопрос: а что же дальше? Дальше, полагает Л. Шевцова, будет продолжать функционировать система, «которая воспроизводит безответственность». Вот четыре ключевые характеристики системы, указывает она, в которой нам суждено жить: бюрократически-авторитарный политический режим; государственно-аппаратный капитализм; выборочный социальный патернализм; многовекторность во внешней политике.

Особо следует отметить три качества этой системы, которые во многом определяют ее траекторию: гибридность, преемственность и имитация. Эта система включает несовместимые принципы – рынок и дирижизм, единовластие и выборы, патернализм и социальное

---

[1] *Нагорных И.* «Единая Россия» отчиталась о партизации власти // Коммерсантъ. 2005. 23 дек.

[2] См.: *Пивоваров Ю.* Партия власти: от идеи к воплощению // Независимая газета. 2005. 12 окт.

равнодушие, свободу и авторитаризм. Оставаясь всеядной, постсоветская система апеллирует ко всем социальным слоям населения, тем самым делая возникновение оппозиции почти невозможным.

Что касается преемственности, то эта проблема решается путем сохранения прежней сущности в новой упаковке.

Еще одним впечатляющим свойством российской постсоветской системы является ее поразительная способность к имитации, в результате чего трудно отделить реальность от вымысла и провокации. Однако отдадим власти должное, отмечает Шевцова: «Она замечательно освоила технологию создания фантомов, которые порождают видимость многообразной реальности, в то время как на самом деле ее политика сводится к простым арифметическим действиям. И даже критически настроенное меньшинство вынуждено участвовать в кремлевском шоу самим фактом своего протеста»[1].

Попробовав упрощенно объединить прогнозы двух цитируемых выше авторов, мы получим следующую перспективу. Постсоветский так называемый политический класс создал определенный тип государства, в котором его институты своей главной задачей имеют регулирование и пресечение конфликтов между бюрократами, не чуждыми коррупции, которые (конфликты) в наших условиях приобретают характер общесоциальных и политических (так, видимо, следует понимать Пивоварова). Политический класс в целом удовлетворен таким государственным «устройством» и делает все для его сохранения (Шевцова).

Можно ли сделать скидку на заостренную полемичность, даже памфлетность (у Пивоварова) подобных выводов? Вряд ли. Дело в том, что в этих двух указанных публикациях в концентрированном виде изложены мнения многих аналитиков, представляющих весь спектр политических воззрений, кроме единственного… (единственно правильного?) В высказываниях аналитиков, журналистов, политологов, социологов жесткая критика сегодня доминирует[2].

Есть, конечно, публикации, правда, их совсем немного, для авторов которых характерен более оптимистичный взгляд в будущее. Наиболее полно он выражен в позиции А. Зудина (Центр политических технологий). В отличие от критично настроенного большинства экспертов, утверждающих, что публичная политика становится все более виртуальной, а реальная все дальше уходит в «тень», автор полагает, что 2005 год, напротив, стал годом возвращения политики:

---

[1] См.: *Шевцова Л.* Россия – год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 2005. 13 дек.

[2] См.: *Воротников В.П.* Гражданское общество против коррупции // Научно-общественный журнал. Наука. Культура. Общество. 2005. № 4.

«Вызовы, которыми закончился 2004 год и начался 2005-й, встряхнули политическую систему и способствовали тому, что политические акторы снова стали возвращаться на политическую сцену. Но возвращаются они уже в изменившемся виде. Оппозиция крайне ослаблена, но снова проявляет признаки жизни в разных проявлениях: от выхода на политическую арену Касьянова до попыток объединения демократов. В то же время процесс возвращения политики захватил и ведущую партию, где произошла смена руководства: административные кадры, которые удерживали "Единую Россию" в бюрократическом состоянии, ушли, а им на смену пришли кадры с политическим опытом. Кроме того, протесты против монетизации и оранжевые революции привели к возвращению политики и возрождению оппозиции, они же свидетельствовали о том, что в 2005 году началось два необъявленных и связанных между собой процесса: досрочная подготовка к избирательной кампании и наметившиеся сдвиги, которые обещают трансформацию политического режима по итогам выборов 2007 – 2008 годов»[1].

По мнению Зудина, прежде всего должен исчезнуть персоналистский, основанный на популярности одного лица, моноцентрический режим. Наметившиеся перемены означают деконцентрацию власти в самых верхних эшелонах. В рамках этого режима повысится роль ведущей партии – «Единой России» и уже встает вопрос о пределах и границах этого усиления. В то же время автор, как и другие, видит опасность превращения ведущей партии в политическую монополию, что во многом объясняется не только исторической инерцией, но и качеством элит, которые начинают устремляться в эту структуру. Эти элиты заинтересованы больше всего в том, чтобы законсервировать нынешнее состояние страны. Поэтому «в рамках политического строительства ближайших лет будет решаться трудная задача: необходимо превратить "Единую Россию" в реальную партию с реальной сферой полномочий и ответственности, но при этом необходимо избежать ее превращения в новое издание КПСС».

Во многом позитивное решение этой задачи будет зависеть от того, насколько удастся обеспечить четкое позиционирование «Единой России». Нынешняя ее идеология, так называемый «социальный консерватизм» в переводе на политический язык означает, что «Единая Россия» претендует в равной мере на все участки политического спектра (центристский, правый и даже левый), а это говорит о том, что она настроилась на превращение в абсолютного политического гегемона, который отодвинет остальные политические силы на

[1] См.: Путин начинает демонтаж своей системы // Политком.ру. 2005. 27 дек.

обочину. Такой вариант, если только он состоится, лишит политическую систему необходимой гибкости[1].

Более оптимистичны прогнозы Зудина по поводу гражданского общества. Во всяком случае, он не исключает, что в ближайшем будущем Общественная палата повторит судьбу других политических проектов Кремля, «которые сначала объявлялись безжизненными, выдуманными, а потом начинали оживать, попав в реальный политический процесс и вступив во взаимодействие с другими политическими силами» (какие конкретно проекты имеются в виду – автор не уточняет).

Повторимся, подобные более оптимистичные прогнозы – явление не частое, даже, пожалуй, единичное.

Показательно, что подавляющее число политологов, та же Л. Шевцова, в наиболее обстоятельном анализе, опубликованном в двух номерах «Независимой газеты», рассматривая различные варианты развития событий, не случайно оценивают их только с точки зрения интересов и поведения «политического класса», может быть, опираясь на значительно более популярную сегодня у нас, чем на Западе, теорию элит. Скорее всего это происходит потому, что бессмысленно говорить об интересах общества, употреблять такие понятия, как народ, население, страна, если у нас они весьма часто исключены из числа факторов, обычно являющихся определяющими для политиков и властей.

Здесь просматривается любопытный поворот сюжета. А. Левинсон из «Левада-Центра» следующим образом ответил на один из вопросов интервьюера: «То, что вы называете словом “общество” (можно это называть словом “население”, “народ”, то, ради чего вообще по замыслу существует демократия в нашем обществе), демократическими институтами не обслужено. Демократия, которую мы создали в 1991 году, сейчас обслуживает те структуры, о которых шла речь выше, властные и создаваемые властью. Только там вовсе не индивидуальные интересы, там интересы групп и всякого рода объединений, кланов, это не одиночки какие-то. Но это группы интересов, там, где интересы выделились, определились. Все то, что называется словом “общество” (народ, население) – эта человеческая масса, о которой можно говорить много хороших слов, но нельзя сказать, что у нее определились интересы. Они объективно существуют, люди желают жить, есть, пить и все такое, но интересов в социальном смысле там нет. У этих людей интересы частные: чтобы дети пошли в школу, чтобы электричество горело, но это не интересы.

[1] См.: Путин начинает демонтаж своей системы // Политком.ру. 2005. 27 дек.

Это нужды, потребности. Там, где интерес возникает, – там складывается общественная организация…»[1]

Получается, что, если следовать от частного к общему, у нас не скоро возникнут условия для появления нормального гражданского общества и нормальной партийной системы. Ибо они призваны выражать интересы более общего порядка, чем частные, а у нас масса населения не в силах обеспечить даже частные интересы – собственные насущные нужды и потребности. И, надо полагать, именно по этой причине (продолжим цитировать Левинсона) «на сегодняшний день в политической системе группы интересов не выражены адекватным образом. Они действуют не на поверхности легальной политической системы, они действуют с помощью других рычагов воздействия, к счастью, не остро криминальных, но и не конституционных… Политика, которую мы наблюдаем, потому и кажется какой-то призрачной, как туман над болотом, потому что она не отражает соотношения сил, которое, вообще говоря, всем известно. Поэтому и у тех, кто пишет и читает политические обзоры и сводки, и у людей, которые ничего не читают и не пишут, есть ощущение, что политика – это пустое…. Потому что все знают, где реально "решаются вопросы" и их судьбы»[2]. Итак, это еще одна сторона сегодняшней политической коллизии: группы интересов не выражены адекватным образом.

Другая сторона, продолжают аналитики, состоит в том, что само общество инертно. «Его крайние фланги уже пробудились и готовы действовать, однако масса обывателей пока "спит". Из этого возникает парадокс. Вы можете привлечь на свою сторону большую толпу лишь в том случае, если выдвинете предельно маргинальные лозунги. А это, в свою очередь, автоматически означает отказ от серьезных претензий на власть или даже сколько-нибудь серьезное влияние на нее. Главный приз – создание реальной, влиятельной оппозиции. Однако он возможен только в случае "захвата центра", синтеза либеральных (только не в российском, а общемировом смысле) идей и цивилизованного национализма (государственничества и т. п.). Однако тот, кто выступит сейчас с подобными лозунгами, скорее всего, проиграет, у него не будет массовой поддержки. Поэтому политическим силам оппозиционного толка приходится играть в маргиналов и тем самым загонять себя в угол»[3].

Третье обстоятельство, неоднократно отмеченное исследователями: пока наши партии слишком лидерские и слишком медийные для

---

[1] См.: «Хорошо то, что не случилось ничего плохого» // Полит.ру. 2005. 27 дек.
[2] См. там же.
[3] См.: «Спуск Альбац на землю» // АПН.ру. 2005. 20 дек.

того, чтобы реагировать на инициативы низовых активистских групп. Партии, по мнению П. Святенкова из фонда Института наследия, просто не знают, что с таковыми делать и значительно больше верят в телевизор и договоренности с Кремлем, чем в пропаганду среди масс своих светлых идей. Либералы еще верят в Запад (который есть всеобщий Кремль). Но суть от этого не меняется. Психология наших партий – психология клиентел «большого дяди». Для клиентелы же мнение хозяина стократ важней, чем мнение народа[1].

Наконец, четвертая сторона: власть, в свою очередь, огорчена, что реальных собеседников для разговора с властью общество не производит.

На первый взгляд, заколдованный круг. По сути же результат не очень-то эффективной политики, при проведении которой еще недавно режиму были нужны не политические партнеры, а соучастники. Они наиболее пригодны для дележа власти и собственности, но неприемлемы, если мы всерьез говорим о строительстве России. Для этого власти нужны именно равноправные партнеры, «общественно-политическое представительство, и оно воспринимается реформатором как главный заказчик на реформу». Это формула В. Лейбина, который далее пишет: «Отклик на такую позицию реформатора будет обязательно – когда понятна цена вопроса, люди умеют объединяться. Тут будет сразу очевиден обман и попытки сокрыть цели»[2].

Политические же партнеры, по мнению Лейбина, «в обществе появятся только в ответ на действие, условием для которого должен быть отказ государства от террора» (наверное, здесь уместнее была бы более мягкая формулировка, допустим, силовое давление. Террор – явное преувеличение. – *М.А.*). От попыток видеть в населении материал для манипуляций. Собственно, в этом и есть политический выбор: либо опираться на ресурсы массового насилия, либо на массовую активность граждан. Само не возникнет[3].

Если резюмировать сказанное, представления о ближайшем будущем следующие. По-прежнему не предложена приемлемая концепция, направленная на объединение усилий общества. По-прежнему сталкиваются политические полюса, которые в конце концов могут выбить искру, из которой в некоторых обстоятельствах может «возгореться пламя». По-прежнему невнятен курс, которым идет государственный корабль, и неясно, кто все же этот курс в реальности прокладывает и в каком направлении. Наконец, еще более явными,

---

[1] См.: «Спуск Альбац на землю» // АПН.ру. 2005. 20 дек.
[2] *Лейбин В.* Год или година? // Полит.ру. 2005. 30 дек.
[3] См. там же.

чем год назад, стали усилия правящей элиты и ее представителей в органах власти, направленные на собственное выживание, пусть даже если это потребует значительных трансформаций внутри самой системы. Все это делает невозможными обоснованные четкие прогнозы развития, включая и развитие партийной системы.

Тем более что, подводя итоги, и пессимисты, и оптимисты проявляют определенное единодушие только в одной констатации: власть все более теряет устойчивость: «2005 год был годом начавшегося поворота в неизвестность. Но, по крайней мере, в этом году становится ясно, что политический режим, к которому мы успели привыкнуть за время, изменится, и уже начинает меняться» (А. Зудин);[1] Все больше признаков того, что российская правящая элита не уверена даже в своем ближайшем будущем. «Мы просто боимся, – отмечает Л. Шевцова. – Бурная активность власти по созданию декоративных организаций, клонированию политиков, вытеснению из общественной жизни независимых лиц, мелочному контролю над выборами, попытки изолировать общество от внешнего влияния – все это говорит о том, что власть не чувствует себя прочно»[2]; «То, что президент, уже не вспоминая про тему "удвоения ВВП", заговорил о "повышении качества жизни", о реализации "национальных проектов", – весьма показательный момент. Прежде всего эти метания свидетельствуют о попытках Кремля найти какую-то дополнительную социально-политическую опору – хотя бы в тех слоях населения, которые еще не окончательно разуверились в системе действующей власти. А это, в свою очередь, означает, что пресловутый "административный ресурс" уже не является или не выглядит достаточной опорой для режима "управляемой демократии". Иными словами, власть не уверена в собственном будущем, и это дает толчок к широкой общественной дискуссии, которую, правда, пока не удается вывести на какой-то режим диалога с властью – даже через существующие демократические институты, включая политические партии и Государственную Думу» (С. Глазьев)[3].

Наряду с общеполитическим анализом в конце года достаточно широко был представлен и анализ социологический. Не задаваясь целью сопоставлять и комментировать данные, приведем фрагменты лишь одного исследования (осуществленного Социологическим центром РАГС в ноябре 2005 г.), имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме (см. с. 41–45). Мы увидим, что

[1] См.: Путин начинает демонтаж своей системы // Политком.ру. 2005. 27 дек.
[2] См.: *Шевцова Л.* Россия – год 2006: логика политического страха // Независимая газета. 2005. 16 дек.
[3] См.: Проекты развала. «Круглый стол» // Завтра. 2005. 27 дек.

оценки, даваемые обществом и качеству российской демократии, и качеству власти и ее институтов, остаются в коррелируемых рамках. Следует подчеркнуть: власть в любых обстоятельствах не может потерять связи с обществом. Значит, если мнения власти и общества не совпадают, политическое руководство должно корректировать свою деятельность. Если же позиции совпадают, а в ряде случаев это именно так, власть, политические структуры обязаны эти позиции реализовывать.